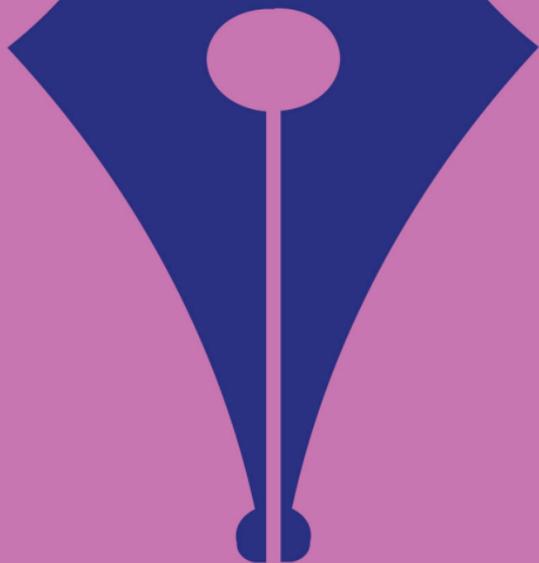

ИВАН БУНИН

ШЕОЛ

Иван Алексеевич Бунин
Шеол
Серия «Тень птицы»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=173108

Окаянные дни: Эксмо; М.; 2006

ISBN 5-04-002265-4, 5-699-19418-5

Иван Бунин

Шеол

В сумерки, проходя по базару в Яффе, я нечаянно поднял глаза и увидел тонкий серп луны. Закрывались в полумраке рядов лавочки, пронесли от фонтана последние кувшины. Собаки, горбясь и сливаясь с темнотою внизу, подбирали остатки торго. Неожиданно дошла откуда-то нежная сладость цветущего дерева. Я поднял глаза и увидел в легком и прозрачном небе вихор пальмы, а над ним – острый, чистый, тонкий «лук Астарты».

На берегу, под городской стеной, тянуло теплым ветром с неоглядной мелкой зыби взморья. Чуть видные, мягко и красиво намазанные сизой мутью облака терялись на закате... «Сумерки, море, угол ханаанско-аравийских берегов...» – подумал я. Над стеной, в старом каменном домишке, зияет черная оконная дыра без стекол. Слышно, как там, в камерке без огня, укладываются спать и, плача, ссорятся дети. На западе, над лиловой тьмой моря, склоняется покрасневший, меркнувший и теряющийся в небе полумесяц. И так пустынные сумерки над гаванью бесследно исчезнувшего с лица земли Ханаана, так все просто и бедно вокруг, точно я один в мире, у его безлюдного начала...

На другой день я покинул Яффу. Убирали трапы, вечерело. Жаркое солнце склонялось к золотому морю. Рейд стоял как зеркало, рифы обнажились, отдыхали, белые чайки, плававшие над кормой, казались огромными. В упор освещенная Яффа, громоздясь на холме перед нами, переливалась зеркальным отражением воды и вся была цвета банана. Задрожала, поворачиваясь, корма, забурлил винт – и Яффа тронулась. Но я не спускал с нее глаз до тех пор, пока она, все отдаляясь, не слилась, наконец, с песками на юге, фиолетовыми от голубой дымки воздуха и опускающегося солнца.

А потом я смотрел на Саронскую долину, вдоль которой мы шли на север. Все смутней и печальней становилась долина. Солнце погасло, и вода у берегов стала тяжелой, кубовой. Одиноким, затерянным казалось какое-то селенье, далеко-далеко белевшее в сини равнины. Я смотрел и дивился безлюдности этого побережья. Вон где-то там, в устьях мелких рек, бегущих от Кармила, лежала Кесария. Некогда это был славный порт и город Ирода; теперь только пески, камни и колючий кустарник... И так – по всему побережью.

С вечера было тепло и ясно. Палуба, испещренная легкими тенями снастей, блестела. В вышине, сквозь снасти, тепло сиял полумесяц. Но близился Ливан. На ночь я открыл в каюте иллюминатор – и после полуночи проснулся: стало прохладно, по темной каюте ходил сильный влажный ветер. Я заглянул в иллюминатор: и там была серая темь. Пахло морем. Ливан дышал мглой. Во мгле, как на краю земли, висе-

ли два мутных маячных огня. Дальний был красноватый. Я подумал: это Тир или Сидон. И мне стало жутко.

За Кесарией – следы Египта и Финикии. Во времена служения Астарте на месте Кесарии был какой-то большой ханаанский город, упоминаемый в надгробном заклятии царя Эзмунацара. Ранее, во времена поклонения «Богу всепожирающего времени», крокодилу, был египетский Крокодилопос. И в песках, затянувших останки этих городов, и теперь еще находят разбитые сиениты, погребальные колодцы крокодилов...

В полночь мы прошли Кармил, горный мыс Ваала Громовержца. С Кармила иудейские пророки метали самые ярые проклятия язычеству. На Кармиле, в одной из пещер троглодитов, жил Илия, лютейший враг Ваала. Но жизнь на Кармиле, бывшем ипостасью Ваала, не прошла для Илии даром. Тысячи преданий слили его образ с образом солнечного Бога: Илия был питаем вранами, повелевал громами и бурями, низводил огонь и дождь с неба, превращал в камни растения, заживо, как истый сын Солнца, вознесся к нему на пламенной колеснице. И все это сделал Кармил, на котором не было даже капищ, – только каменные жертвенники, – Кармил, у подошвы которого Лемех убил одичавшего Каина, приняв его за зверя. Необозримое море, с трех сторон лежащее под Кармилом, бушует круглый год. И богослужения в монастыре кармелитов, стоящем теперь на Кармиле, принимают порой жуткое величие древних языческих богослужений. «Мо-

ре заглушало голоса поющих и орган, – говорит один паломник. – Над горою стоял непрерывающийся гул – глас Божий, потрясающий пустыню и приводящий в содрогание горы...»

Качало у Кармила и нынче. Засыпая, я чувствовал, как темная каюта опускается и поднимается, слышал скрип переборки. Теперь было тихо. Кармил был уже далеко. Ровно, с однообразным плеском бежала вода вдоль борта погруженного в сон и тьму парохода. Мы шли уже мимо «блудищных гротов Астарты» и погребальных спэосов, мимо каменисто-песчаной полосы под волнистыми отрогами и скатами Ливана, – мимо самого Шеола, этого сплошного некрополя между Тиром и Сидоном. Когда-то от Тира до Сидона «можно было пройти под землю – по гробовым пещерам и колодцам». И как дерзко мешались когда-то с ними «гроты» Астарты! Ее поклонники и поклонницы чертили мистический знак треугольника даже на стенах спэосов. А Тир? Разве думал он о смерти, – он, «Сын Солнца и Моря, рожденный в веках баснословных, превзошедший все народы жаждой жизни, алкавший земель всего мира»?

И все же победила – смерть. «Тир, умолкший среди моря! Кую мзду приобрел ты от него? Сия глаголет Адонаи-Господь: се аз на тя, Сур, и приведу на тя языки многи, яко же восходит море волнами своими...» Ужасные слова! Но есть еще ужаснее: «Вот я приведу на тебя, Тир, лютейших из народов, и они обнажат мечи свои против красы твоей... Сделаю тебя городом опустелым, подобно городам необита-

емым, когда подниму на тебя пучину... Низведу тебя с отходящими в могилу, к народу, давно бывшему, и помещу тебя в преисподних земли... Ибо вознеслось сердце твое и сказало: аз есмь Бог!»

«Аз есмь Бог...» Библейские пророки до потрясающей высоты вознесли проклятия слишком «вознесшейся» жизни. И по слову их и вышло: тиро-сидонский берег, столь щедро оплодотворяемый Богиней Жизни, дал начало образу Шелла – преисподней. Его погребальные камеры и колодцы, перемешанные с гротами страсти, получили страшные названия «сетей смерти», «колодцев гибели». И «простерся страх смертный над радостной страной Ваала-Солнца». Это ведь он, этот страх, внушил царю Эзмунацару мольбу его скорби и беззащитности:

«В месяц дождей, в год четырнадцатый царствования... Поражен, пленен я, наследник дней героев, сошел в ад, сын Бога смерти... Заклятие мое перед всем царством и всем человечеством: да не вскрывает никто входа моего, не сдвигает гробницы моей, не оскорбляет меня внесением другого гроба!»

Бог ли человек? Или «сын Бога смерти»?

На это ответил сын Божий.

1909